

Л

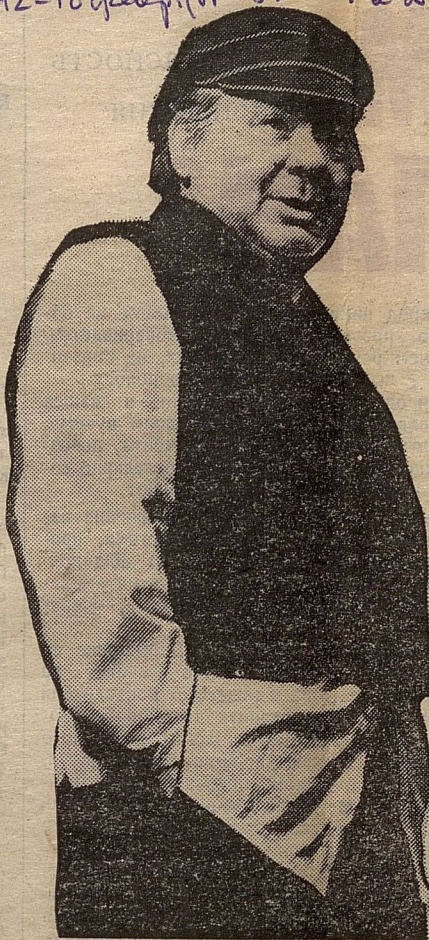
ЕОНОВА знают все. Леонова любят все. Популярнейшим актером сделал его кинематограф. Роли Евгения Павловича никогда не становились сенсацией (в самом этом слове есть привкус сиюминутного, быстропроходящего); обычно он играл простых, скромных, добропорядочных персонажей, «негероев» в привычном понимании. С появлением в кадре Леонова пространство словно раздвигается — на экран проникает гул московских улиц, коммунальных квартир, негромких будней российской провинции. Благодаря таланту Леонова — слышать время его персонажи вмещают в себя судьбу страны, целого поколения — сегодняшних шестидесятилетних, с их горем и радостями, страданиями и удачей.

Из разговора с Леоновым:

«Я учился в седьмом классе, когда началась Отечественная война, поэтому в моем детстве все немножко сдвинулось, мне пришлось стать взрослым в 14—15 лет. В школе играл в драмкружке. Еще до эвакуации из Москвы Художественного театра успел побывать на всех его спектаклях, был потрясен увиденным. Во время войны работал на авиационном заводе учеником слесаря, и хотя меня направили потом в техникум, я все отчетливее ощущал тягу к искусству. Читал на вечерах стихи Блока, рассказы Чехова. Так родилось желание пойти в театральную студию».

Евгений Павлович вспоминает, как, представ впервые перед экзаменационной комиссией в студии на Пушечной улице, завыл, прокричал стихи Маяковского, как улыбались члены комиссии, как вдруг почувствовал он свою неотесанность, необразованность... Впрочем, все было ясно: лицо круглое, облик смешной — его приняли на амплуа комика. Потом был театр имени Станиславского, которым в те годы руководил Михаил Михайлович Яшин; его Леонов считает главным учителем.

Марк ЗАХАРОВ: «Впервые я увидел Леонова в театре имени Станиславского, и он казался мне обаятельным, приятным «простаком», коих в ту пору было предостаточно. Но за прошедшие годы Евгений Павлович прожил сразу несколько жизней, перебрался из одной театральной эпохи в другую, пропустив через свое сердце та-

кие боли, а через сознание — такие мысли, что преобразился из милого паренька в человека безмерной судьбы».

Из разговора с Леоновым:

«Актёру свойственно хвататься за то, что уже найдено; с годами обрастаешь штампами, которые крайне трудно счищать. Я пришел в Ленком в начале семидесятых; зарплату стал получать в два раза меньше, чем раньше, в академическом театре. Но мне казалось, что Марк Захаров обладает способностью что-то «опрокинуть» в актере, расшевелить его. Надо, как учил Станиславский, из-под самого себя «выбивать стул», на котором удобно расположился... Эту неустроенность, бесконечные сомнения ощущаю всю жизнь».

Инна ЧУРИКОВА: «Я считаю Евгения Павловича великим актером, настоящей звездой, причем звездой теллой; от его слова, взгляда у людей что-то оттаивает внутри».

У героев Леонова обостренное чувство

доброты, большой запас душевной прочности. Музыкант Сарафанов в «Старшем сыне», бывший фронтовик, слесарь Приходько в «Белорусском вокзале», бригадир Потапов в «Премии»... Все было в их жизни: бесконечные удары судьбы, горечь утрат. Но не зачерствела душа, каждый сумел сохранить искренность, первозданность своей натуры, те нравственные качества, которые заложены были в детстве, юности.

Из разговора с Леоновым:

«Моя мама была не очень грамотной женщиной, но необыкновенно сердечной и доброй. Порой в доме не хватало еды, зато всегда был избыток гостей — сестры, тетки, племянницы... И навсегда запомнились мамина теплота и доверчивость».

Наверно, поэтому и герои Леонова прожили свою жизнь «с богом в сердце», — говоря словами молочника Тевье, сыгранного Евгением Павловичем в спектакле Ленкома «Поминальная молитва» (пьеса Г. Горина по мотивам Шолом-Алейхема).

лович сыграл Тевье-молочника, многие критики назвали эту работу актерской вершиной Леонова. Возможно, это одна из его вершин. Тевье — Леонов близок сегодняшним настроениям зрителей, в нем есть тревога и беспокойство, желание прикоснуться к простым и вместе с тем проверенным веками ценностям и идеям, основанным на религиозном понимании жизни.

Из разговора с Леоновым:

«В нашем обществе мы всё сумели поставить под сомнение, и нам уже кажутся лицеперными сами понятия «не убий», «не воруй», «не прелюбодействуй». При чем тут заповеди, раз мы научились лгать, выдавать желаемое за действительное? Мы говорили, что наше искусство самое лучшее в мире, и в то же время толтали Шнитке, выдворяли из страны выдающихся музыкантов, писателей, кому надо было поклоняться...»

Сыграв Тевье, Леонов вернул на сцену Веру, очистил понятие нравственности от

«НЕСТИ СВОЙ

Творческий портрет Евгения Леонова

Леонов давно думал о Тевье — персонаже, в котором сочетаются драматизм, личиность, юмор. Премьера намечалась на 1 сентября 1988 года, но летом, на гастролях театра в ФРГ, у Леонова случился тяжелейший инфаркт, на несколько секунд остановилось сердце. Лишь в октябре прошлого года Евгений Павлович смог выйти на сцену — в роли Тевье.

Александр АБДУЛОВ: «Очевидно, после того, как у человека происходит такое несчастье, что-то в нем ломается. Евгений Павлович познал смерть, заглянул ей в глаза, и от этого, вероятно, в самом его взгляде появилась вселенская мудрость».

Когда он выходит к зрителям в «Поминальной молитве», идет «подключение» прежде всего к нему, актеру Леонову. Он может говорить о сложностях нашего бытия, национальных проблемах, о боге, жене, детях, и ему сразу верят. О высоких материях Леонов умеет говорить пронзительно и просто, попадая в болезненную сердцевину проблем. Когда Евгений Пав-

шелухи времени. В этом трагикомическом образе маленького человека, который всю жизнь мечтал о счастье, о том, чтобы дом был полной чашей, мечтал о покое в семье, — Леонов передал ощущение полноты жизни. Вот почему в финале, когда краски сгущаются до предела, наступает очищение.

Любовь МАТЮШИНА, исполнительница роли Голды: «Леонов вместе с Захаровым разлили в спектакле ауру душевного соприкосновения. Когда мы, участники спектакля, находимся за кулисами, наши личные отношения остаются такими же, какими они были только что на подмостках. Такое в театре случается не часто».

Леонов мечтал сыграть короля Лира. «В Лире, — говорит он, — есть тема обманутой доброты, обманутой доверчивости. Почему-то никто не посмотрел на шекспировского героя с этой точки зрения. Правда, чтобы сыграть такую роль, актеру нужен талантливый режиссер, но, к сожалению, никто из режиссеров не увидел меня

в этой роли». Леонов не сыграл не только Лира. У него вообще почти не было классических персонажей, а ведь он мог бы стать превосходным исполнителем героев Достоевского — со своей способностью к состраданию, исповедальности, со своей глубиной и простодушием.

Инна ЧУРИКОВА: «Это наша вечная проблема: иметь такую грандиозную личность, как Леонов, и использовать его на среднем уровне. Средний режиссер снимает его в своей картине, дает роль, лишь бы тот посмешил, а леоновская мощь остается нераскрытой. Соглашается на такую работу Евгений Павлович, наверно, не сразу, но его уговаривают, человек он отзывчивый. Вот и получается: вместо того, чтобы попытаться дотянуться до крупной личности и самим чуть-чуть приподняться, мы снижаем ее значимость».

Когда Марк Анатольевич Захаров поручил Леонову чеховского Иванова, это вызвало у критики бурю протеста: настоль-

КРЕСТ И ВЕРОВАТЬ...»

С КОММЕНТАРИЯМИ КОЛЛЕГ И ДРУЗЕЙ

ко непривычным показался сам облик этого персонажа. Иванов Леонова не обладал внешним великолепием и импозантностью — обыкновенный человек, лысый, стареющий, с брюшком. Полоса жестоких испытаний приводит его к мысли о самоубийстве. Трагическое у Леонова сочетается с сочувственностью; этот Иванов хотел служить людям, отдать им свое сердце, но жил он в такое время, когда в этом никто не нуждался.

Марк ЗАХАРОВ: «Сочувственность, стремление что-то сделать для людей, подарить им целебную силу — свойства самого Евгения Павловича. У него есть чувство вины и внутренней печали — не за себя, а за окружающих товарищей, за те события, которые творятся вокруг, чувство ответственности и соучастия в жизни государства, общества, коллектива, где он работает. Как популярный артист, Леонов неоднократно обращался в разные инстанции, чтобы помочь своим менее из-

вестным коллегам. Часто это касается и проблем театра. Помню, как он ходил вместе со мной (вернее, я был адъютантом при нем) хлопотать по поводу пиротехнических эффектов, без которых мы не могли обойтись».

Александр АБДУЛОВ: «Я не знаю человека, которому Леонов отказал бы в просьбе. Когда я жил в общежитии, он помог мне с получением квартиры... Евгений Павлович — безумный собачник, и к двери его квартиры уже несколько раз подбрасывали коробку со щенятами, понимая, что Леонов их не выбросит на улицу. И действительно, он берет этих щенков, едет с ними на птичий рынок и раздает, причем смотрит — хорошему ли человеку, обязательно с ним поговорит...»

Конечно, Леонову-актеру приходилось играть и антиподов, персонажей, которые ломали устоявшееся представление о нем, как об актере, излучающем доброту. К примеру, алкаш дядя Вася в фильме «Осенний марафон» (за эту роль Леонов

получил приз на кинофестивале в Венеции) — сытый, довольный, атакующий «хозяин земли», напрочь утративший душевную энергию. Или Вожак в ленкомовском спектакле «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского. Леонов не играет классического злодея, готового распорядиться о расстреле любого инакомыслящего. Его Вожак умеет быть мягким, терпеливым, приветливым. Леонов дает возможность подумать о том, что дело не только во внешних проявлениях жестокости; у его Вожака бесчеловечны вера и идеи, поэтому путь, им выбранный, ведет в тупик... Но и в таких ролях, «от обратного», Леонов защищает красоту мира, гибнущую под натиском бездуховности и обывательщины. И как всегда — насмешливый и печальный взгляд, легкая ухмылка, горький привкус утраченных иллюзий.

Григорий ГОРИН: «Величие Евгения Леонова в том, что, как это ни парадоксально, он меньше всего соответствует классическому представлению об артисте. Фигура, голос, пластика — все поперек. И дар перевоплощения минимален. Пред-

стает ли он перед зрителем Вожаком, Ивановым или даже Винни Пухом, все равно это Евгений Павлович, и никаких жеманных возгласов: «Ах, неужто? А я и не узнал...» ...Узнаем мгновенно, и радуемся этому.

Такой огромный кредит, такое всенародное разрешение актеру оставаться самим собой в любых предлагаемых обстоятельствах надо было заслужить всей жизнью. Леонов заслужил! Природа наградила его уникальным даром — представлять в абсолютной точности самобытный, неповторимый облик истинно русского человека. Со всеми его достоинствами и слабостями, величием и забавными чертами. Я думаю, Евгений Павлович это подсознательно ощущает постоянно. Отсюда его тяга к импровизации в любой роли. Он как бы прислушивается к самому себе, к тем словам и междометиям, которые выскакивают непроизвольно... И сам удивляется и ахает: «Вот я какой! Кто бы мог подумать?» И зритель вместе с любимым актером восклицает: «Вот мы какие?»

Мне рассказали такой эпизод. Лет десять назад Леонов пришел на футбольный матч в Лужниках. Естественно, его окружала огромная толпа. Жали руки, просили автографы, приглашали вместе выпить... В общем, все, как обычно... И вдруг какой-то мужичок, безуспешно пытавшийся пробиться к знаменитости, влез на чьи-то плечи и закричал: «Леонов! Молодец! Ни против Сахарова не подписал, ни против чехов... Держись, Леонов!!!» И лицо мужика светилось от счастья. Поскольку, раз Леонов не подписал, то и он, безвестный мужичок, не считает себя соучастником постыдных дел...

СКОРО мы вновь увидим Евгения Павловича на экране. Он снялся в фильме «Транспорт» Георгия Данелии, который не представляет себе новой картины без участия Леонова. Сыграл там небольшой эпизод — здоровье не позволило потянуть одну из главных ролей, предназначавшуюся специально для него. Есть и у Марка Захарова новые идеи в отношении Леонова. А сам Евгений Павлович не перестает повторять любимую фразу из Чехова: надо нести свой крест и верить, верить в свое призвание.

Так и живет.

Вадим ВЕРНИК.

НА СНИМКАХ: Е. Леонов в спектаклях «Поминальная молитва» и «Иванов».

Фото Г. Несмачного и Ю. Грицюка.

прежде всего комментаторского и переводческого, соответствующего аппарата, довольно непростого набора и т. д., — все трудности особенно сказываются. Но это, наверно, и есть сладкое бремя свободы, когда живешь осмысленно, делаешь то, что любишь, и платишь за то, что выбираешь.

Начав выпуск «Минувшего», вы взяли за дело исключительно важное. Серия, очевидно, может продолжаться до бесконечности. Какую задачу вы поставили перед собой?

Цель указана в редакционном предисловии к первому выпуску: публикация источников по русской истории, особенно XX века, — воспоминаний, дневников, писем, неизданных работ, документов... Поскольку это — первоначальное условие для восстановления истории, для расчистки ее от любых мифов. Работа на годы, а вернее, на десятилетия.

В Союзе принято сегодня говорить о «белых пятнах». Но по существу отечественная история XX века — это белый океан с отдельными островками более или менее разработанных тем. И, по-моему, прежде всего потому, что история с 1917 года воспринималась как источник легитимации власти, как инструмент оправдания любых действий власти.

Если представить историю великой страны как громадное тысячелетнее дерево с широкой кроной, с уродливыми, но мощными корнями, с дуплистым, но крепким стволом, с корявыми засохшими сучьями и здоровыми ветвями, то при отношении к истории, как к средству легитимации, начинается парковое искусство: дерево подстригают, превращая его в куб, шар, конус, согласно эстетическим и политическим вкусам и потребностям очередного правителя. И через несколько поколений в сознании людей исчезнет сам образ первоначального дерева, его вытеснят геометрические фигуры — те самые шары, кубы, конусы, а в идеальном, с точки зрения власти, случае — бревно, телеграфный столб вроде «краткого курса истории партии». И даже споры о правде и истине ведутся о тех же геометрических фигурах.

Как же, с вашей точки зрения, следует осуществлять процесс восстановления истории?

Прежде всего не создавать новых

мифов на месте старых. А во-вторых, собирать источники и вводить их в научный и общественный оборот. Не надо вновь, в который раз, пытаться подстричь нашу историю, придав ей форму очередной геометрической фигуры по нынешней идеологической моде. Дело ведь не в том, чтобы напечатать Троцкого, но в то же время изъять из употребления Брежнева. Дело в том, чтобы восстановить то тысячелетнее дерево, о котором шла речь, во всей его красоте и искривлениях, то есть в его жизни.

Многие материалы «Минувшего», особенно те, что найдены вами на Западе, в сущности впервые рассказывают нам о недавних событиях, которые произошли в нашей стране. Другие статьи позволяют по-иному взглянуть, казалось бы, на хрестоматийные факты. Судя по всему, без изучения хранящихся на Западе архивов мы не сможем полностью воссоздать историю?

Разумеется, нет. В Советском Союзе, за исключением специалистов, совершенно не представляли себе, сколько русских архивных материалов есть на Западе. Я уже не говорю о XIX столетии, но только в XX веке три волны эмиграции принесли сюда богатейшее наследие. Уникальные документы есть во Франции — в Сорбонне, в США — в Колумбийском, Стэнфордском или Гарвардском университетах, в Англии, в Италии — повсюду. Не учитывать их невозможно.

Скажем, сейчас публикуют письма В. И. Вернадского. Но не надо забывать, что он жил в Советском Союзе, а его дочь и сын — в США. Великий ученый писал им почти ежедневно, и в результате на Западе находятся тысячи его писем. И без них говорить о серьезном научном издании корреспонденции Вернадского нельзя. И так дело обстоит со многими крупными именами в русской истории XX века. А сколько хранится в частных архивах, и большинство документов доступно исследователям! В общем, это действительно море...

...которое не вычерпашь даже такой большой ложкой, как «Минувшее»?

Это чайная ложечка. Вычерпать невозможно. Поэтому необходимы совместные исследования, совместные научные группы, которые бы работали и в СССР, и

на Западе. Необходимо и совместное издательство. В такой работе должны участвовать американцы, англичане, немцы, израильтяне, японцы — все, ибо только сообща можно восстановить историю. Информационный голод в исторической области по-прежнему очень велик, живых носителей информации все меньше — возник даже термин «уходящий объект»...

Так что собирание и обработка — проверка, научное объективное комментирование источников, их публикация — остаются неизменным условием для восстановления истории. На это нужны годы, десятилетия. Поднять такую глыбу, да еще при том, что на протяжении XX века немалая часть творческой России находилась за рубежом, можно только сообща. Разумеется, при полном равенстве партнеров, необходимом для любого сотрудничества, на нормальных цивилизованных началах.

А это значит, скажем, не устраивать потрав, не перепечатывать чужих материалов без разрешения уже опубликовавших их органов и уж, во всяком случае, ссылаться на первопубликации. Прошу понять меня правильно, но я не могу не сказать о том, что почти из каждого тома «Минувшего» совершается такая потрава. И чего уж тут спрашивать с провинциальных авторов, если даже отдельные ведущие наши издания позволяют себе это без малейших колебаний и, естественно, без всяких извинений в дальнейшем. На Западе человека, решившегося на подобный плагиат, мгновенно перестали бы уважать... Но, в общем, есть надежда, что в конце концов, если хватит терпения у всех и маятник не качнется в обратную сторону, постепенно что-то и наладится.

Какова, по вашему мнению, судьба русской культуры за рубежом? Удалось ли нашим писателям, художникам, композиторам «вписаться» в западную культуру?

«Вписались» несколько десятков человек, которые вышли на мировой уровень, как, например, Стравинский, а тысячи других — нет. Первой русской эмиграции отчасти повезло в том, что она была многочисленной — в ней были не только творцы, но и потребители. А для культуры это очень важно. После революции из России уехало полтора-два мил-

лиона человек, и в Париже, Берлине, Праге были целые русские районы с русскими магазинами, гимназиями, институтами, издательствами, газетами. Поэтому у писателей был читатель.

Третьей «волне» эмиграции в этом отношении сложнее. Численно она невелика. Люди сильно разобщены и территориально, и культурно. Активно занимаются русскими делами — историей, культурой, живописью — несколько сот человек, которые как-то сталкиваются между собой, варятся в одном и том же котле. Отсюда, может быть, и страсти в эмиграции так гипертрофированы.

У нас сейчас беспрецедентный интерес к русской эмиграции, который во многом объясняется и тем, что раньше это была полностью «закрытая» тема. Сейчас все, что написано русскими на Западе, причисляется чуть ли не автоматически к «большой литературе». Перефразируя поэта, представьте второй или третьей «волны», оказавшись на Западе, может сказать: «Я эмигрант, тем и интересен».

Открытие для себя чего-то нового почти неизбежно включает переосмысление. Раньше эмиграция огульно отрицалась. И теперь огульно — принимается. Достаточно быть эмигрантом, чтобы быть принятым в «высшем» обществе. Происходит утрата критериев, вернее, подмена качественных критериев идеологическими. Я не хочу называть фамилии, но, когда читаешь советские газеты и журналы и видишь тот ряд, который выстраивается из деятелей русской культуры, куда иные попадают только за то, что жили на Западе, становится не по себе. Теперь сама принадлежность к эмиграции, публикация в ее издании иногда являются пропуском в большую литературу. Но и это пройдет, когда культуру и историю эмиграции вновь станут воспринимать как часть единой отечественной культуры и истории. Тогда вернутся качественные оценки. Время расставить все на свои места.

Юрий КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

Париж.

На стр. 24 мы перепечатываем письма М. И. Цветаевой из № 8 альманаха «Минувшее».